

11 класс

Аналитическое задание

Провести целостный анализ текста - прозаического **ИЛИ** поэтического.

Выполните целостный анализ рассказа Ю. Казакова «Вон бежит собака!», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: особенности повествовательной структуры, способы выражения авторской позиции.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Юрий Казаков

«Вон бежит собака!»

Давно погас высоко рдевший летний закат, пронеслись, остались позади мертво освещённые люминесцентными лампами пустоватые вечерние города, автобус вырвался, наконец, на широкую равнинность шоссе и с заунывным однообразным звуком "ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж", с гулом за стеклами, не повышая и не понижая скорости, слегка поваливаясь на поворотах, торжествуя и устрашающе помчался в темноту, далеко и широко бросая свет всех своих нижних и верхних фар.

В салоне слегка потихоньку шуршали газетами и журналами, потихоньку, прямо из бутылки выпивали, закусывали, ходили вперед курить, потом начали успокаиваться, откидывать кресла, отваливаться, гасить яркие молочные лампочки, стали сонно покачивать головами на валиках, и через какой-нибудь час в теплом, сложно пахнущем автобусе было темно, все спали, только внизу, в проходе, горел над полом синий свет, а еще ниже, под полом, струилось намащенное шоссе и бешено вращались колеса.

Не спали только Крымов и его соседка.

Московский механик Крымов не спал потому, что давно не выезжал из Москвы и теперь был счастлив. А счастлив он был оттого, что ехал на три дня ловить рыбу в свое, особое, тайное место, оттого, что внизу, в багажнике, среди многих чужих чемоданов и сумок, в крепком яблочном запахе, в совершенной темноте лежали его рюкзак и спиннинг, оттого, наконец, что на рассвете он должен был выйти на повороте шоссе и пойти мокрым лугом к реке, где ждало его недолгое горячее счастье рыбака.

Он не мог сидеть спокойно, оборачивался, провожая взглядом что-то темное, неразборчивое, пронесившееся мимо, вытягивал шею и смотрел вперед, через плечо шофера, сквозь ветровое стекло на далекую матовость шоссе.

А соседка его не спала неизвестно почему. Сидела неподвижно, прикрыв ресницы, закусив красные губы, которые теперь в темноте казались черными.

Не спал в автобусе и еще один человек -- шофер. Он был чудовищно толст, волосат, весь расстегнут -- сквозь одежду мощно, яростно выпирало его тело, -- и только головка была мала, гладко причесана на прямой пробор и глянцевиата, так что даже поблескивала в темноте. Могучие шерстистые руки его, обнаженные по локоть, спокойно лежали на баранке, да и весь он был спокоен, точно Будда, как будто знал нечто возвышающее его над всеми пассажирами, над дорогой и над пространством. Он был силуэтно темен сзади и бледно озарен спереди светом приборов и ответами с дороги.

Крымову захотелось курить, но совестно было беспокоить соседку, и он не пошел вперед, достал сигарету, нагнувшись, воровато чиркнул зажигалкой, с наслаждением затянулся и выпустил дым тонкой, невидимой в темноте струйкой вниз, под ноги.

-- У вас есть закурить? -- услышал он шепот соседки.-- Страшно хочу курить...

Доставая сигарету, Крымов слегка привалился к ней и близко взглянул ей в лицо, но увидел только бледное пятно с темными провалами глаз, и губы, и прямые волосы до плеч. Он дал ей сигарету и снова чиркнул зажигалкой. Она, так же как и он, прикурила, нагнувшись, загоразивая огонек ладонями, которые на секунду стали прозрачно-розовыми, и опять Крымов ничего не рассмотрел, только прямой нос, скулу и опущенные ресницы.

-- Ах, как хорошо! -- сказала она, затянувшись и наклоняясь к нему.-- Это "Ароматные"? Спасибо, они крепкие!

От нее горько и нежно пахло духами, и было в ее шепоте что-то странное, а не только благодарность, будто она просила его: "Ну поговорите же со мной, познакомьтесь, а то мне скучно ехать". И Крымов на минуту ощутил прилив той дорожной легкости, когда хочется говорить игриво, намеками, с нарочитой дрожащей откровенностью в голосе, и будто случайно касаться груди спутницы, и пригibasья, будто выглядывая что-то в окне, чтобы своим лицом коснуться ее волос и посмотреть, не отстранится ли. А потом, конечно, слова: "Вы меня не так поняли", "Что вы! Разве я такой?" -- и, конечно же, адресок, телефон в книжечку или просто назначить встречу там-то и тогда-то -- это в случае, если едут в одно место.

Он встрепенулся и ощутил сердцебиение, ноздри его дрогнули, но тут же все погасло, заслоненное неистребимым счастьем, которое ждало его утром.

-- Это что! -- зашептал он, загоревшись уже другим.-- Это не курение -- в автобусе или в цехе, а вот на реке утром, знаете, когда рыба бьет, и все где-то в стороне, и вдруг у тебя как стебанет! На берег ее выволокешь, с крючка снимешь, бросишь в траву, а она прыгает, ух! Вот тогда закуришь так закуришь!..

-- Вы рыбак? -- прошептала она.

-- Заядлый! -- Крымов затянулся и сморщил нос от удовольствия.-- Я сам механик, месяцами реки не вижу, у нас работа -- производство, завод, это вам не артель, не посидишь... Я последний раз ловил, знаете, когда? В мае! А теперь июль. Я работник толковый, ну, на меня и валят, дали вот три дня отгула за неурочное время. Ну ничего, у меня отпуск скоро, тогда уж я дорвусь!

-- Куда же вы едете? -- спросила она, и опять в ее шепоте Крымову почудилось что-то странное, какой-то еще вопрос.

-- Есть одно местечко,-- уклончиво, суеверно пробормотал он.-- А вы почему не спите, скоро сходить?

-- Нет, я до конца еду... Вы говорите, на три дня? Когда же назад?

-- Во вторник.

-- Во вторник? Постойте... во вторник..

Она подумала о чем-то, потом вздохнула и спросила:

-- А почему же вы не спите?

-- Мне сходить в четыре утра.

Крымов задрал рукав куртки и долго смотрел на часы, разбирая, который час.

-- Три часа осталось. Да и не спится, тут уж лучше не спать, а то разоспишься, потом на рыбалке будешь носом клевать...

Шофер оглянулся, снова стал смотреть на дорогу, и в фигуре его появилась нерешительность. Потом он осторожно протянул руку к радиоприемнику и включил его. Приемник засипел, шофер испуганно приглушил его и стал осторожно бродить по эфиру. Он нашел одну станцию, другую, третью, но все это были или бормочущие иностранные голоса, или народные инструменты, а это, наверное, ему не нужно было. Наконец из шума возник слабый звук джаза, и шофер отнял руку. Он даже улыбнулся от наслаждения, и видно было сзади, как сдвинулись к ушам его пухлые щеки.

Музыка была тиха, однотонна, одна и та же мелодия бесконечно переходила от рояля к саксофону, к трубе, к электрогитаре, и Крымов с соседкой замолчали, чутко слушая, думая каждый о своем и пошевеливаясь, покачиваясь под ритмические звуки контрабаса.

За окном изредка проносились оставленные на ночь одинокие грузовики на обочинах, и было странно смотреть на их неподвижность и одинокость. Казалось, в мире что-то произошло, и все шоферы ушли, включив на прощание подфарники на крыльях, и подфарники эти будут гореть долго, покуда не иссякнет энергия в аккумуляторах.

Еще реже попадались навстречу такие же, как и этот, междугородные автобусы. Задолго до встречи за горизонтом, за выпуклостью шоссе, начинало дрожать зарево света, потом в неизмеримой дали появлялась сверкающая точка, она близилась, росла, двоилась, троилась, и уже видны были пять мощных фар внизу и наверху, которые вдруг гасли, снова включались и снова гасли, оба автобуса замедляли ход и, наконец, останавливались. Шоферы, высунувшись, недолго о чем-то переговаривались, от моторов шел дым, и лучи фар пробивали его косыми столбами. Потом автобусы трогались и через минуту снова мчались в черноту, каждый в свою сторону.

"Интересно, куда она едет? -- думал иногда Крымов о соседке.—И замужем ли? И почему стала курить: так просто или от горя?"

Но тут же забывал о ней, поглощенный дорогой, ожиданием рассвета, мыслями о трех днях, которые он проживет у реки. Он думал, не начала ли течь палатка, и что это плохо в случае дождя, и не задержится ли автобус по какой-нибудь причине в дороге, а утренний клев между тем пройдет...

Счастливое беспокойство томило его, и соседка занимала воображение. А она теперь молчала, откинув голову на валик кресла и прикрыв глаза. Но когда он слишком долго засматривался вперед на дорогу или в окно, а потом взглядывал на нее, ему казалось каждый раз, что лицо ее будто полуповернуто к нему, а глаза, неразличимые в темноте, следят за ним из-под ресниц.

"Кто она?" -- думал он, но спросить не решался. И старался догадаться, вспоминая немного сказанное ею и тихий ее шепот. Он ее как-то не рассмотрел вечером, не до того ему было, а теперь хотелось, чтобы она была красива.

-- Дайте закурить! -- внезапно зашептала она.-- И расскажите что-нибудь... Что молча ехать, все равно не спим!

Крымов уловил нотку раздражения в ее шепоте, удивился, но промолчал и покорно дал сигарету. "О чем говорить? -- думал он, уже сердясь немного.-- Странная какая-то". А сам сказал:

-- Я все думаю про женщин, что вы охоты не любите, рыбалки, а ведь это большое чувство! А вы не только не любите, а как-то не понимаете даже, будто в вас пустота в этом смысле. Почему бы это?

В темноте было видно, как она пошевелилась, откинула волосы и потерла лоб.

-- Охота -- убийство, а женщина -- мать, и ей убийство вдвойне противно. Вы говорите, наслаждение смотреть, как рыба бьется, а мне это гадко. Но я вас понимаю, то есть понимаю, что вы охотитесь и ловите рыбу не из-за жестокости. Толстой, например, очень страдал потом, после охоты, вспоминая смерть. И Пришвин тоже...

"Ну, понесла!" -- уныло подумал Крымов и посмотрел на часы.

-- Полтора часа осталось! -- радостно сказал он.

Тогда соседка погасила сигарету, подняла воротник плаща, подобрала ноги и положила голову боком на валик, затылком к Крымову.

"Спать захотела,-- решил Крымов.-- Ну и ладно, давно пора, не люблю языком болтать в дороге! Хорошо еще, что я не женат,-- неожиданно подумал он.-- А то была бы вот такая, рассуждала бы про убийство, мораль читала... Опупеешь!"

Но ему где-то и обидно стало, и хотя он думал только об утренней рыбной ловле, но прежней глубокой, потрясающей радости уже не ощущал.

Шофер впереди нагнулся, не отрывая взгляда от дороги пошарил что-то внизу, держа одной рукой руль. Потом он выпрямился и стал с чем-то возиться на коленях, по-прежнему держа руль одной левой рукой. Крымов с интересом следил за ним. Наконец шофер взял в рот бутылку, запрокинул ее и отпил. Вздохнул, опять запрокинул и отпил, и видно было, как шея и бока его толстеют и опадают во время глотков.

"Что это он пьет? -- подумал Крымов.-- Пиво, что ли? Да нет, им не положено в дороге... Ага, лимонад! Хоть бы приехать скорее!"

И тут же вспомнил о своем кофе в рюкзаке и о котелке, и ему захотелось кофе.

Стало заметно светлеть, но зелень на деревьях была еще темна, и только редкие домики, мелькавшие иногда по полям, поражали своей утренней белизной. Во рту у Крымова от курения и жажды пересохло, но настроение улучшилось, он забыл уже окончательно про соседку и думал только про свое место, про реку, про туман и жадно смотрел вперед.

Шофер выключил фары, и рассвет стал заметнее. Светлело с каждой минутой, и все -- километровые столбики, рекламные щиты, дорожные знаки, линия горизонта даже на западе -- было отчетливо видно.

Миновали пятисотый километр, шофер обернулся, поймал вопросительный взгляд Крымова и кивнул. Через минуту он сбросил газ и взял направо, к обочине. Обозначился крутой поворот, кинулся в глаза большой луг, и там, вдали, метрах в семистах от шоссе, чернели верхушки ивняка.

Автобус уже на холостом ходу катил все медленнее, глуше, тише, шипы на покрышках уже не жужжали, а дробно лопотали, наконец, все будто совсем остановилось, и только хруст песка под колесами говорил, что автобус еще движется, проходя последний метр. Все смолкло, шофер снял руки с баранки, сладко потянулся, выпирая отовсюду телом, зевнул и открыл дверь. Он вышел первый и загремел внизу багажником.

-- Извините! -- сказал Крымов, торопливо поднимаясь и трогая соседку за плечо.

-- А? -- сказала та испуганно.-- Уже? Вы приехали? Пожалуйста, счастливо... Как это? Ни пуха ни пера?

"К черту!" -- по охотничьей привычке мысленно ответил Крымов, пробираясь вперед. Он выскочил наружу и прежде всего радостно поглядел на луг, потом обернулся к автобусу. Автобус стоял, огромный, длинный, слегка запыленный, с нагретыми покрышками и мотором, и источал тепло в утреннем холоде. Отделение багажника по правому борту было открыто. Крымов подошел, раздвинул чемоданы и сумки, достал рюкзак и еле нашел спиннинг. Шофер громко хлопнул железной крышкой багажника, запер его и, обойдя автобус спереди, ушел в лес.

-- Вот, значит, где ваше место! -- раздалось сзади. Крымов оглянулся и увидел соседку.

Она вышла из автобуса и стояла, откидывая назад волосы и глядя на луг. Она была красивая и напоминала киноактрису, но Крымову уже не до нее было.

-- Ну, дайте мне на прощание еще закурить,-- сказала она, подходя и застенчиво посмеиваясь.-- Вы очень добры! А я вас всю ночь мучаю просьбами...

Когда она прикуривала, у нее так дрожали губы и руки, что она долго не могла попасть концом сигареты в огонек. "Чего это она? -- удивился Крымов и посмотрел на свой рюкзак.-- Надо идти, пожалуй!"

-- Вы счастливый! -- сказала она, жадно затягиваясь.-- В такой тишине три дня проживете.-- Она замолчала и прислушалась, снимая с губы табачную крошку.-- Птицы проснулись. Слышите? А мне надо в Псков...

"Идти или не идти? -- колебался Крымов, не слушая ее. Но уйти сразу теперь было уже неудобно.-- Погожу, пока они уедут, не час же будут стоять!" -- решил Крымов и тоже закурил.

-- Н-да...-- сказал он, чтобы что-нибудь сказать.

-- А знаете, я давно мечтаю в палатке пожить. У вас есть палатка? -- сказала она, рассматривая Крымова сбоку. Лицо ее внезапно стало скорбным, углы губ дрогнули и пошли вниз.-- Я ведь москвичка, и все как-то не выходило...

-- Н-да...-- сказал опять Крымов, не глядя на нее, переминаясь и смотря на пустынное шоссе, в лес, куда ушел шофер.

Тогда она затаилась несколько раз, морщась, задыхаясь, бросила сигарету и прикусила губу.

Как раз в эту минуту из придорожных кустов показалась собака и побежала по шоссе, наискось пересекая его. Она была мокра от росы, шерсть на брюхе и на лапах у нее

курчавилась, а капли росы на морде и усах бруснично блестели от заалевшего уже востока.

-- Вон бежит собака! -- сказал Крымов, машинально, не думая ни о чем.-- Вон бежит собака! -- медленно, с удовольствием повторил он, как повторяют иногда бессмысленно запомнившуюся стихотворную строку.

Собака бежала деловито, целеустремленно, не глядя по сторонам, и стояла такая тишина, что слышно было, как по асфальту клацали ее когти.

Наконец и шофер появился из лесу, вышел на шоссе, посмотрел на бегущую собаку, повсвистал ей, но она не обернулась. Шофер подошел к автобусу и осмотрел его, будто видел первый раз. Ботинки его были в росе, даже на шерстистых руках была роса. Он громко потопал ногами, чтобы сбить росу, обошел автобус, пиная покрывающие, и полез внутрь.

-- Что ж, спасибо за сигареты! -- сказала девушка и тоже поднялась на ступеньку.

-- Счастливо,-- пробормотал Крымов, нагибаясь за своим рюкзаком.

Мотор взревел, автобус тронулся, на Крымова прощально посмотрело изнутри расцветно-несчастное лицо, а он слабо махнул рукой, улыбнулся, слез с насыпи и пошел напрямиком к реке.

-- Вон бежит собака! Вон бежит собака! -- нараспев повторял он про себя, идя лугом и подлаживаясь произносить слова в ритм шагам.

И с удовольствием смотрел на искристый луг, на небо, дышал во всю грудь, и только одно беспокойство было, как бы кто не опередил его в этот час и не занял место.

Подойдя к реке, он спрыгнул с небольшого обрыва на песок и ревниво огляделся. Но ни одного следа не было на песке. Река -- неширокая, медленная, с плесами и камышами, с песчаными отмелями -- лениво извивалась по лугам и была глуха. Крымов быстро распаковал рюкзак, достал кофе, котелок, сахар, зачерпнул воды, набрал сухого плавника и тут же на песке развел небольшой костерчик. Потом воткнул в песок две рогульки, повесил котелок и стал ждать.

Пахло дымом, сырыми берегами и сеном издалека. Крымов сел и ужаснулся своему счастью. Он и не предполагал, что может так радоваться этому утру, и этой реке, и тому, что он один.

"Попью кофе, а потом кину!" -- решил он и стал налаживать спиннинг, привычным взглядом замечая одновременно и реку, и как горит огонь, и воду в котелке, которая начинала медленно кружиться.

-- Вон бежит собака! -- повторял он, как заклинание.-- Вон бежит... Попью кофе, а потом кину!

На другой стороне, под камышами, громко плеснула щука. Крымов вздрогнул, замер, мгновенно вспотел и посмотрел на то место. Там тяжелыми волнами расходились круги.

"Нет, сперва кину, кофе успеется!" -- тут же решил Крымов, продевая леску сквозь кольца и привязывая к ней любимую свою блесну "Байкал" -- серебряную, с красным пером. Опять, уже в другом месте, ударила щука, и тотчас возле берега испуганно сверкнула плотвичка.

"Погоди, погоди! -- ликующе думал Крымов.-- Вон бежит собака! Погоди..."-- и насаживал катушку на рукоятку спиннинга.

Вода в котелке закипела, пена полилась, побежала через край, зашипела на углях, и поднялось облачко пара. Крымов поглядел на котелок, снял его и оближал сухие губы. "Ах, черт! Все-таки кофе -- это вещь!" -- подумал он, осторожно косясь на реку и откупоривая банку с кофе. Он сунул нос в банку, понюхал и чихнул.

-- Ух, ты! -- уже вслух сказал он и, зажав спиннинг в коленях, стал заваривать кофе.

Заря разгоралась все больше, краски на камышах и воде беспрестанно менялись, туман завитками плыл вместе с рекой, ивовые листья блестели, как лакированные, и уже давно в камышах, и дальше, в лесу, и поблизости, где-то в ивняке, трюкали и пикали

птицы на разные голоса. Уж первый ветерок пахнул горько-сладким теплым лесным духом и пошевелил камыши...

Крымов был счастлив!

Он ловил и радовался одиночеству, спал в палатке, но и ночью внезапно просыпался, сам не зная отчего, раздувал огонь, кипятил кофе и, посвистывая, ждал рассвета. А днем купался в теплой реке, плавал на ту сторону, лазил в камышах, дышал болотными запахами, потом опять бросался в воду, отмывался и, накупавшись, блаженно лежал на солнце.

Так он провел два дня и две ночи, а на третий, к вечеру, загорелый, похудевший, легкий, с двумя щуками в рюкзаке вышел на шоссе, закурил и стал ждать московского автобуса. Он сидел блаженно и покойно, разбросав ноги, привалился к рюкзаку, и смотрел в последний раз на луг, на верхушки ивовых кустов вдали, где он недавно был, мысленно воображал реку под этими кустами и все ее тихие повороты и думал, что все это навсегда теперь вошло в его жизнь.

По шоссе проносились красно освещенные солнцем грузовики, молоковозы, громадные серебристые машины-холодильники, приседающие на заднюю ось "Волги", и Крымов уже с радостью провожал их глазами, уже ему хотелось города, огня, газет, работы, уже он воображал, как завтра в цехе будет пахнуть горячим маслом и как будут гудеть станки, и вспомнил всех своих ребят.

Потом он слабо вспомнил, как выходил здесь три дня назад на рассвете. Вспомнил он и спутницу свою по автобусу и как у нее дрожали губы и рука, когда она прикуривала.

-- Что это было с ней? -- пробормотал он и вдруг затаил дыхание. Лицо и грудь его покрылись колючим жаром. Ему стало душно и мерзко, острая тоска схватила его за сердце.

-- Ай-яй-яй! -- пробормотал он, тягуче сплевывая. -Ай-яй-яй! Как же это, а? Ну и сволочь же я, ай-яй-яй!.. А?

Что-то большое, красивое, печальное стояло над ним, над полями и рекой, что-то прекрасное, но уже отрешенное, и оно страдало ему и жалело его.

-- Ах, да и подонок же я! -- бормотал Крымов, часто дыша, и вытирался рукавом.-- Ай-яй-яй!!-- И больно бил себя кулаком по коленке.

1961 г.

Выполните целостный анализ стихотворения В. Брюсова «Пока есть небо», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: принципы отбора объектов природного мира и их взаимного расположения в пространстве; соотношение визуальных и акустических подробностей поэтического пейзажа; особенности строфической и синтаксической структуры текста.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Валерий Брюсов

Пока есть небо

Пока есть небо, будь доволен!

Пока есть море, счастлив будь!

Пока простор полей раздолен,

Мир славить песней не забудь!

Пока есть горы, те, что к небу
Возносят пик над пенем струй,
Восторга высшего не требуй
И радость жизни торжествуй!

В лазури облака белеют
Иль туча темная плывет;
И зыби то челнок лелеют,
То клонят мощный пакетбот;

И небеса по серым скатам
То золотом зари горят,
То блещут пурпурным закатом
И лед вершинный багрянят;

Под ветром зыблемые нивы
Бессчетных отсветов полны,
И знают дивные отливы
Снега под отблеском луны.

Везде - торжественно и чудно,
Везде - сиянья красоты,
Весной стоцветно-изумрудной,
Зимой - в раздольях пустоты;

Как в поле, в городе мятежном
Все те же краски без числа
Струятся с высоты, что нежным
Лучом ласкает купола;

А вечером еще чудесней
Даль улиц, в блеске фонарей,
Все - зовы грез, все - зовы к песне:
Лишь видеть и мечтать - умей.
1917 г.

Творческое задание

Прочитайте отрывок из рассказа В.В. Набокова «Посещение музея». Придумайте и опишите по этому образцу три зала музея литературных героев. В таком музее, например, могут быть залы: «Гостиная в доме Простаковых», «Штаб-изба Пугачёва», «Комната Печорина в Пятигорске» и т.д. В процессе творческой работы вы можете использовать

три произведения из следующего списка: «Обломов» И.А. Гончарова, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Вишневый сад» А.П. Чехова, «На дне» М. Горького.

Мы очутились в зале несколько больших размеров. Там, на длинном столе под стеклом, раскрыты были толстые, плохо выпеченные книги с жёлтыми пятнами на грубых листах. Вдоль стен стояли военные куклы в ботфортах с раструбами. ... На минуту я заблудился среди громадных мраморных ног и дважды обежал кругом исполинского колена, покамест не увидел опять мосье Годара, который искал меня за белой пятой соседней великанши. Тут какой-то человек в котелке, видно на нее взобравшийся, вдруг с большой вышины упал на каменный пол. Его стал поднимать товарищ, но оба были навеселе, и, махнув на них рукой, мосье Годар полетел в следующую комнату, где сияли восточные ткани, гончие мчались по лазурным коврам, и на тигровой шкуре лежал лук с колчаном.

Но странное дело: от простора и пестроты было только тяжело, мутно, – и потому ли, что всё новые посетители проносились мимо, или потому, что мне хотелось поскорее выбраться из ненужно удлинившегося музея, чтобы в свободной тишине докончить с мосье Годаром деловой разговор, но меня охватила какая-то тревога. Между тем мы перенеслись ещё в одну залу, которая уж совсем была громадная, судя по тому, что в ней помещался целый скелет кита, подобный остову фрегата, а далее открывались ещё и ещё залы, косо лоснились полотна широких картин, полные грозовых облаков, среди которых плавали в синих и розовых ризах нежные идола религиозной живописи, и всё это разрешалось внезапным волнением туманных завес, и зажигались люстры, и в освещённых аквариумах рыбы виляли прозрачными шлейфами, а когда мы взбежали по лестнице, то сверху, из галереи, увидели внизу толпу седых людей и зонтиков, осматривающих громадную модель мироздания.